

М.П. Юрьев

Карл Пятый и его время

Часть 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М11

М11 **М.П. Юрьев**
Карл Пятый и его время: Часть 1 / М.П. Юрьев – М.: Книга по Требованию,
2021. – 202 с.

ISBN 978-5-518-07454-5

ISBN 978-5-518-07454-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВВЕДЕНІЕ.

I.

Русская жизнь, какъ и каждая молодая жизнь, движется нервно и быстро. А вмѣстѣ съ жизнью движется и наука, и искусство, и литература. Движеніе это, какъ и всякое молодое движеніе, во многомъ порывисто, рѣзко, но оно все-таки движеніе впередъ, а не назадъ, хотя впередъ, можетъ быть, и не по вполне прямой линіи. Мнѣ кажется, что прогрессъ во всемъ очевиденъ. Особенно онъ виденъ въ наукѣ вообще, а въ частности въ разработкѣ у насъ всеобщей исторіи. То, что тридцать лѣтъ тому назадъ считалось рѣдкимъ свойствомъ даже ученыхъ сочиненій по всеобщей исторіи, теперь является обязательнымъ условіемъ всякой даже ученической работы. Официальный представитель русской науки О. Бодянский въ 1859 году хвалитъ сочиненіе Новикова о Гуссѣ и Лутерѣ за то, что оно основано на всестороннемъ знаніи литературы предмета, и считаетъ это обстоятельство особенностью, довольно рѣдкою въ русской наукѣ. Кто же теперь это обстоятельство сочтетъ рѣдкимъ, теперь, когда русская наука имѣетъ много сочиненій, основанныхъ на изученіи рукописнаго матеріала, бывшаго даже неизвѣстнымъ западнымъ ученымъ, теперь, когда объ очень многихъ вопросахъ по всеобщей исторіи имѣются изслѣдованія, признаваемые за авторитетнѣйшія даже на Западѣ.

Прогрессъ изученія всеобщей исторіи у насъ, въ Россіи, за послѣднія тридцать—сорокъ лѣтъ, безъ сомнѣнія, очевиденъ: поднялись и требованія отъ изслѣдованій по исторіи, увеличилось и само число занимающихся ею. Лѣтъ трид-

цать тому назадъ, когда молодой Писаревъ говорилъ (соч. П. 169), что русскихъ ученыхъ нѣтъ, онъ говорилъ, если не совсѣмъ правильно, то на половину онъ былъ все-таки правъ. Онъ ошибался въ томъ, что не считалъ отдѣльныхъ лицъ, но, говоря объ общемъ фонѣ, онъ былъ правъ. Русская наука всегда имѣла и имѣетъ отдѣльными представителями многихъ ученыхъ, безпристрастно отдавшихъ своей великой задачѣ — отыскаію могучей и свѣтлой истины. Между ними много также великихъ дѣятелей, которые пролили много свѣта на нѣкоторые спутанные и неясные вопросы исторіи Запада. Они, конечно, существовали и при Писаревѣ, и нужно быть слѣпымъ, чтобы не замѣтить этого. Но если говорить не объ отдѣльныхъ именахъ, а объ общей массѣ ученыхъ, т. е. людей, видящихъ въ наукѣ цѣль жизни, то такой массы при Писаревѣ не было. А, конечно, сколь ни велики усилія отдѣльныхъ лицъ—все-таки масса, простые чернорабочіе совокупностью совмѣстныхъ усилій гораздо болѣе двигаютъ науку.

Отъ массы зависитъ въ сущности все: нѣтъ этихъ сѣрыхъ, запыленныхъ работниковъ и нѣтъ науки, какъ нѣтъ литературы, нѣтъ искусства. Ни одинъ гениальный писатель не создаетъ литературы своими единичными усиліями: писатель можетъ быть міровымъ гениемъ, но въ его эпоху можетъ стоять литература очень низко.... Карлъ Эрнестъ Бэръ былъ великимъ ученымъ, онъ основалъ даже новую науку—эмбриологію и вмѣстѣ со всѣмъ тѣмъ былъ русскимъ ученымъ. Его современникъ Каспаръ Фридрихъ Вольфъ сдѣлалъ также много открытій по естествознанію и состоялъ въ званіи петербургскаго академика, но ни у кого не будетъ смѣлости доказывать, что русская наука по естествознанію стояла въ ихъ время чрезвычайно высоко въ Россіи. Повторяю, тридцать — сорокъ лѣтъ тому назадъ были отдѣльные представители, великіе дѣятели на поприщѣ русской науки, но ихъ все-таки было немного... А для правильнаго развитія науки нужна цѣлая армія, нужны солдаты, а не одни офицеры.

Мнѣ кажется, что теперь начинаетъ образовываться эта великая армія русской науки, развитію русской науки

уже служатъ тысячи людей, и мнѣ кажется, что все это будетъ имѣть важныя и великія результаты. Въ особенности русская наука въ дѣлѣ изученія прошлаго Западной Европы можетъ оказать человѣчеству громадныя услуги. Разработка всеобщей исторіи иностранными учеными — какъ сознаются сами послѣдніе — часто, очень часто тормозится вмѣшательствомъ партійныхъ личныхъ интересовъ. Подъ вліяніемъ религіозныхъ, политическихъ и другихъ интересовъ исторія искажается, сгибается въ дугу... Это, конечно, страшно вредитъ развитію исторической науки на Западѣ. Въ русской наукѣ нѣтъ этихъ тормозящихъ обстоятельствъ. Вѣдѣ, въ сущности, съ какой стати русскимъ людямъ исказить исторію Запада: къ исторіи Запада, напротивъ, русскимъ есть полная возможность сохранить безпристрастіе. Мнѣ думается, что исказить исторію чужого народа — полный абсурдъ, полнѣйшая бессмыслица. Русская жизнь сложилась совсѣмъ инымъ путемъ чѣмъ западная. Мнѣ кажется, что русскіе люди могутъ отнестись къ прошлому Запада съ вполне научной точки зрѣнія. Людовикъ XIV, Лутерь, Карлъ V — я понимаю, что западному историку трудно отнестись вполне безпристрастно, ибо плоды ихъ дѣятельности онъ испытываетъ на себѣ, на своей родной странѣ. Но какой-же интересъ, кромѣ чисто научнаго, могутъ представить эти личности для русскихъ историковъ? Мнѣ кажется все это совершенно яснымъ и очевиднымъ.

Къ несчастью, это не всѣмъ всегда казалось такимъ простымъ: по крайней мѣрѣ, въ русской исторической наукѣ, наукѣ еще сравнительно очень молодой, уже бывали примѣры искаженія или, вѣрнѣе, неправильнаго освѣщенія фактовъ изъ исторіи Запада подъ извѣстнымъ партійнымъ угломъ. Искаженіе это совершалось, конечно, не корифеями нашей исторической мысли, для которыхъ выше всего стояла истина. Но много, какъ намъ кажется, за послѣднія тридцать лѣтъ погребло труда и таланта у обыкновенныхъ научныхъ работниковъ, вмѣсто безпристрастнаго изслѣдованія прошлаго увлекшихся служеніемъ партійнымъ интересамъ.

Въ сущности, это служеніе партійнымъ интересамъ —

сплошное недоразумѣніе. Въ эти тридцать лѣтъ и партій-то настоящихъ не было. Было, напимѣръ, славянофильство, но оно въ шестидесятые годы совсѣмъ умирало, едва слышно гудѣло, и вдругъ Новиковъ, для прославленія славянофильской идеи, пишетъ диссертацию о Гуссѣ и Лутерѣ, диссертацию, гдѣ тяжелымъ языкомъ и съ серьезнымъ видомъ доказываетъ, что это мы, православные христіане, дали міру Гусса и дали бы Лутера, если бы онъ не увлекся западными идеями, чѣмъ много себѣ повредилъ. Къ чему, зачѣмъ доказывается это — совершенно не понятно... Когда Данилевскій на четырехъ страницахъ доказываетъ разборомъ западной исторіи, что основное свойство германцевъ насильственность (*Gewaltsamkeit*)—это можно понять, потому что четыре страницы много времени не возьмутъ. Но писать два тома для защиты явнаго парадокса — это слишкомъ много. Точно также, когда Осокинъ доказываетъ уже подъ влияніемъ другой партіи, что Савонаролла былъ политическій реформаторъ, — это опять таки непонятно. Къ чему, для кого доказывается это? Какая польза отъ этого самой партіи? Вообще тогда было очень много наивнаго и смѣшнаго. Въ особенности нѣсколько лѣтъ спустя, когда въ ходкомъ въ то время журналѣ говорилось про одну книгу объ общинѣ, что это ничего, что факты историческіе перепутаны, но зато мысли ужъ очень въ ней хороши, или когда въ томъ же журналѣ Исторію Революціи Тѣва въ пышной статьѣ подъ пышнымъ заглавіемъ „Воскресеніе Мертвыхъ“ сравнивали съ какими-то очень глупыми и очень старыми учебниками, находили, что она еще глупѣе ихъ и радовались своему остроумію. Это было просто смѣшно и... нѣсколько противно, какъ противно всякое невѣжество, хотя въ этомъ журналѣ сотрудничали и патентованные ученые, разыскивавшіе общину и на Пиринеяхъ и въ Балтійскихъ провинціяхъ и тамъ, гдѣ она была, и тамъ, гдѣ ея не было.

Теперь все это давно прошло: въ историческихъ изслѣдованіяхъ начинаетъ преобладать чисто научный интересъ. Искаженія западно-европейской исторіи въ русской наукѣ — намъ кажется — являлись совершеннымъ недоразумѣніемъ, лишь случайнымъ фактомъ, подобно бѣгущимъ по

звѣздному небу обрывкамъ облаковъ. Безпристрастіе къ фактамъ прошлаго Западной Европы—вотъ что должно характеризовать русскія разработки этого предмета. И теперь поняли это. Стараются объяснить себѣ прошлое Запада, характеръ историческихъ личностей, а не бранить ихъ. Серьезный благородный тонъ отличаетъ теперь изслѣдованія по всеобщей исторіи въ русской наукѣ. Этотъ тонъ начинаетъ преобладать всюду; теперь всюду стараются какъ можно безпристрастнѣе и вдумчивѣе отнестись къ прошлому Западной Европы. А если г. Ив. Ивановъ изрѣдка и начнетъ полемизировать съ Людовикомъ XIV, то это въ счетъ нейдетъ: этотъ писатель дѣлаетъ иногда такія страшныя ошибки по исторіи Запада (Людовика XIII онъ назвалъ Валуа и т. д. ¹⁾), что его статья не можетъ имѣть никакого серьезнаго значенія. Смѣло можно сказать, что въ настоящее время отсутствіе личныхъ партійныхъ интересовъ характеризуетъ русскую науку всеобщей исторіи. Да и не одну науку, а также и журнальную литературу.

Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только прослѣдить, какимъ глухимъ молчаніемъ встрѣчаются въ русской журналистикѣ книги безъ серьезныхъ научныхъ достоинствъ, книги, однако лѣтъ пятнадцать тому назадъ взбудоражившія бы всю журнальную литературу. „Die Demokratie“ Schwarz'a прошла совсѣмъ незамѣченной, а вѣдь она, пожалуй, интереснѣе „Исторіи крестьянской войны“ Циммермана, книги, которую такъ любили у насъ когда то, хотя конечно тенденціи Шварца

---

¹⁾ По мнѣнію г. Иванова въ Людовикѣ XIII — течетъ кровь Валуа—это такъ прямо и написано на страницахъ умной и ученой газеты (Русскія Вѣдомости № 278—1890). Въ Артистѣ (1889—кв. IV) г. Ивановъ переводитъ: *Vu his coelke hat*—по шляпѣ украшенной черепахами (нужно раковинами). Я въ началѣ думалъ, что это обмолвка, но потомъ прочелъ: „Такъ какъ благочестивыя путешествія предпринимались въ отдѣльныя заморскія страны, у пилигримовъ вошло въ обычай украшать свои шляпы скорлупами черепахъ“ (стр. 173). Никогда пилигримы небывалыми черепахами шляпы свои не украшали: они украшали простыми раковинами—и всякій хотя немного знакомый съ бытовой исторіей западной Европы знаетъ это. Г. Ивановъ объ этомъ и не слыхивалъ и сбился должно быть французскимъ переводомъ Шекспира (*escaille*). Но неужели въ редакціи „Артиста“ не нашлось никого грамотнаго? Тамъ, кажется, сотрудничаетъ проф. Веселовскій....

и Циммермана совершенно противоположны... Между тѣмъ скромная, умная книга Эйкена, написанная не хлестко и не бойко, вызвала пристальное вниманіе въ журналистикѣ. Все это до чрезвычайности отраднo. Прежде въ журналистикѣ царствовали другой духъ... Теперь по отношенію къ исторіи Запада преобладаютъ чистые и свѣтлые отвлеченные интересы. Мнѣ, впрочемъ, до извѣстной степени думается, что теперь даже ударились въ другую крайность.

Отвлеченные вопросы исторической науки, которымъ такъ много времени удѣляютъ многіе большіе русскіе ученые, съ проф. Карѣвымъ во главѣ, конечно, подлежатъ изученію, какъ и всякое теоретическое основаніе науки. Но мнѣ кажется, что практика всего важнѣе. Изученіе и безпристрастное изображеніе прошлаго Запада—вотъ задача, передъ которой меркнуть всѣ остальные! Конечно, въ пыльной, душной, разгоряченной атмосферѣ пристрастій наука гложетъ, да и жить въ этой атмосферѣ не хорошо; на высокой морозной выси философіи исторіи можно жить, но все-таки лучше быть посерединѣ—въ горныхъ долинахъ и дышать прохладнымъ чистымъ воздухомъ. — На высокихъ вершинахъ всегда голо и скучно. Смотрѣть на исторію Запада съ холодной отвлеченной точки зрѣнія тоже не особенно весело. Исторію Запада дѣлали люди: они плакали и смѣялись, страдали и наслаждались. Много крови, пота и слезъ пролито ими. Подойти къ нимъ, понять ихъ мысли, услышать бѣненіе ихъ сердца—насколько это заманчивѣй и привлекательнѣй, чѣмъ рѣшать вопросы философіи исторіи или разбираться въ томъ, что собственно должно быть предметомъ историческаго изученія....

Русская наука—еще молодая наука и по всеобщей исторіи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова она можетъ оказать человѣчеству много важныхъ услугъ. Только для этого нужно много усилій, много труда и таланта, нужно забыть все, кромѣ науки; а для того, чтобы вѣрно понять прошлое Запада, нужно очень много знать, для чего, съ своей стороны, нужно очень много учиться и очень много читать. Но дѣло въ томъ, что русскіе ученые очень мало читаютъ: это ужасно печально, но это такъ.

Меня, напримѣръ, всегда интересовалъ вопросъ о Маріи Стюартъ, другими словами—вопросъ о подлинности писемъ шкатулки. Изъ любопытства я прочелъ брошюру г. Афанасьева „Двѣ публичныя лекціи о М. Стюартъ“. Г. Афанасьевъ, не мудрствуя лукаво, принимаетъ выводы европейскихъ ученыхъ почти безъ всякой провѣрки, вѣря имъ на слово. Это не особенно, конечно, похвально, потому что Филиппсонъ, Кардаунсъ—во всякомъ случаѣ люди, которые и ошибиться могутъ. . . Но, въ концѣ концовъ—книжка г. Афанасьева могла бы быть интересной, если бы толково передавала мнѣнія главныхъ западныхъ ученыхъ, занимавшихся этимъ вопросомъ.— Но Боже мой, какъ мало знакомъ былъ г. Афанасьевъ съ предметомъ, о которомъ говорилъ! Онъ, напримѣръ, не зналъ очень важной статьи Гæдеке ¹⁾, въ которой приведено очень любопытное, завѣдомо подлинное письмо Маріи, изобилующее грамматическими ошибками и неправильностями. Знай онъ это письмо, онъ не сталъ бы удивляться, что письма шкатулки написаны съ грубыми, противными грамматикѣ ошибками, и не сталъ видѣть въ этомъ доказательства ихъ подложности. Г. Афанасьевъ не знаетъ также и книги Сеппа; по крайней мѣрѣ, мнѣніе, высказанное первоначально Сеппомъ ²⁾, онъ считаетъ оригинальнымъ мнѣніемъ Карловы, который лишь нѣсколько развилъ первоначальный взглядъ Сеппа. Наконецъ, г. Афанасьевъ утверждаетъ, что въ русской литературѣ о Маріи Стюартъ существуетъ только переводъ книги Минье, совершенно забывая или не зная, что была еще очень дѣльная статья А. С. по этому поводу ³⁾. Нѣкоторые факты изложены просто небрежно: г. Афанасьевъ, очевидно, совершенно не позаботился ознакомиться съ необходимой литературой.

Конечно, книга г. Афанасьева мелка, да и самъ г. Афанасьевъ мелокъ, а между тѣмъ онъ теперь гдѣ-то профессорствуетъ, облеченный званіемъ доктора исторіи. Я не читалъ докторской диссертациі г. Афанасьева, но о ней отзы-

---

¹⁾ Gaedeke. Die neuere Literatur über M. Stuart. Histor. Zeit. 1883.

²⁾ Sepp. Tagebuch der unglücklichen Schotten-Königin M. Stuart 2 v. 1882—83.

³⁾ А. С. Новѣйшая Литература о Маріи Стюартъ. Русскій Вѣстникъ—1885.

вались съ похвалою, какъ о дѣльномъ и толковомъ трудѣ: г. Афанасьевъ, стало быть, можетъ работать. Недостатки его лекцій о Маріи Стюартъ происходятъ не отъ неумѣнья, а отъ небрежности. Въ сущности небрежность является самымъ основнымъ и неизмѣннымъ атрибутомъ всѣхъ научныхъ работъ среднихъ русскихъ ученыхъ. Даже лучшія изъ среднихъ работъ не свободны отъ нея. Возьмемъ хоть статьи проф. Виноградова; косолапо писанныя—статьи эти новаго ничего не говорятъ, но старое могли бы излагать недурно, если бы не та же фатальная небрежность. Въ своей статьѣ о Ранке ¹⁾ Виноградовъ говоритъ объ одномъ только, что Ранке былъ объективенъ, холоденъ и покоенъ къ шуму политической жизни. Въ 1892 году г. Виноградовъ характеризуетъ Ранке, какъ ученаго, проводящаго въ своей работѣ злобу дня ²⁾. За эти четыре года никакихъ новыхъ сочиненій Ранке не издавалось: очевидно, г. Виноградовъ просто забылъ о томъ, что онъ когда-то выражалъ другое мнѣніе о великомъ нѣмецкомъ ученомъ и упрекнулъ Ранке въ отсутствіи объективности, такъ же легко, какъ бранилъ за отсутствіе субъективности. Строго опредѣленнаго взгляда на Ранке г. Виноградовъ очевидно еще не выработалъ, но выражать различные взгляды и не оговариваться — неужели это не свидѣтельствуетъ о научной небрежности? Или хоть, напри- мѣръ, проф. Виноградовъ говоритъ, что въ работахъ Фюстель-де-Куланжа „своеобразность историческаго момента совершенно закрываетъ общечеловѣческое основаніе въ исторіи“ ³⁾. А между тѣмъ, въ той же самой статьѣ тотъ же проф. Виноградовъ говоритъ про Ф. Куланжа, что у него на одинъ планъ сводятся „черты, относящіяся къ весьма различнымъ эпохамъ античнаго развитія“ ⁴⁾.... Гдѣ же тутъ своеобразность историческаго момента? Я всегда лучшаго мнѣнія о людяхъ и не могу предположить, чтобы г. Виноградовъ не понималъ противорѣчія между этими двумя ут-

---

¹⁾ Русская Мысль 1888, кн. III.

²⁾ Русская Мысль 1892, кн. XI, Стр. 212.

³⁾ Русская Мысль 1890, кн. I, Стр. 99.

⁴⁾ Русская Мысль 1890, кн. I, Стр. 95.

верженіями: здѣсь опять виднѣется небрежность, о которой мы уже говорили....

Въ журнальныхъ статьяхъ эта небрежность не такъ еще непріятно дѣйствуетъ, какъ въ учебникѣ.... Журнальную статью можно и не читать, а вѣдь учебникъ заставляетъ учить, учить людей беззащитныхъ, дѣтей тринадцати, четырнадцати лѣтъ.... Г. Виноградовъ издалъ учебникъ: даже близкіе по убѣжденіямъ къ нему люди и тѣ возмущались безобразной формой изложенія историческихъ событій, которая дѣлаетъ невозможнымъ пользованіе учебникомъ до восьмого класса¹⁾. Но, какъ всѣ бранили форму, такъ всѣ хвалили содержаніе, говорили, что оно находится на вполнѣ научномъ уровнѣ.... Я никакъ не могу согласиться съ этимъ: во многихъ частностяхъ прямо видна плохая освѣдомленность съ литературой предмета. Такъ, напр., о происхожденіи двойной царской власти въ Спартѣ проф. Виноградовъ говоритъ: „Во главѣ города стояли два царя. Двойственность царственной власти произошла вслѣдствіе того, что двѣ первоначально раздѣльныя общины соединились въ одну, причемъ сохранились оба царскіе рода“²⁾. Я не о томъ говорю, что эта фраза неуклюжа, а о томъ, что въ научномъ отношеніи она совершенно бессмысленна. Дѣло въ томъ, что вопросъ о происхожденіи двойственности царской власти въ Спартѣ принадлежитъ къ числу еще не совсѣмъ разрѣшенныхъ вопросовъ. Если оставить мнѣніе Курціуса въ сторонѣ, то приходится примкнуть къ одному изъ двухъ мнѣній: приходится объяснить появленіе двухъ царей изъ синойкизма или двухъ дорическихъ общинъ, или изъ синойкизма одной дорической, другой ахейской общины. Въ томъ, каковы были слившіяся общины, въ этомъ заключается весь центръ вопроса. Г. Виноградовъ, очевидно, просто не знаетъ объ этомъ, если ни однимъ намекомъ не указываетъ на племенной характеръ общинъ, составляющій всю суть вопроса.— Нѣтъ, мало, очень мало читаютъ русскіе ученые! А читать нужно много, очень много: узнать и понять прошлое чужого

---

¹⁾ См. напр. статью г. Фортунатова въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“.

²⁾ П. Виноградовъ. Учебникъ Всеобщей Исторіи. Ч. 1, Стр. 36.

народа—это очень трудно и почти невозможно единичному человѣку: такія задачи рѣшаются массовыми усиліями ученыхъ. Нужно, во-первыхъ, тщательно изучить всю иностранную литературу, разобраться въ ней, отдѣлить все ложное, пристрастное и оставить все истинное, хорошее, правильное. Западную науку по всеобщей исторіи создали сотни тысячъ людей: сколько между ними было великихъ, сколько гениальныхъ! Къ западной ученой литературѣ можно подходить, только издалека снявши шапку. Нужно знать западную жизнь, чтобы судить о западныхъ ученыхъ. А узнать жизнь—даже хотя бы и внѣшнюю—чужого народа очень трудно: вспомнимъ, какія вещи пишутся про Россію заграницей. Даже и не впадая въ ошибки, можно счесть мелкое за крупное, важное за ничтожное, какъ это и случилось съ Г. Брандесомъ въ его книгѣ о Россіи (*Impressions of Russia by D-r. Georg Brandes, translated from the danisch by Samuel Easman.*). А вѣдь изученіе иностранной литературы лишь первый этапъ при исполненіи этой задачи. А затѣмъ, затѣмъ предстоитъ такая масса труда, которую могутъ на себя принять не одно, а лишь нѣсколько поколѣній. Но въ концѣ-концовъ достигнуть будетъ великій результатъ: русская наука установитъ правильную и твердую исторію Западной Европы или, иными словами, исторію всего міра. Русскіе люди много заимствовали съ Запада—такимъ образомъ они могутъ отдать ему свой долгъ. Это, конечно, случится не скоро. Теперь-же, когда безпристрастнаго изображенія западной исторіи нѣтъ, очень трудно придти къ какимъ-нибудь опредѣленнымъ результатамъ при разработкѣ того или другого факта изъ всеобщей исторіи.

Я имѣлъ возможность познакомиться съ литературой по предмету моего сочиненія и былъ совершенно подавленъ той массой различныхъ взглядовъ на исторію Карла Пятаго, которые существуютъ на Западѣ. Я совершенно не былъ въ состояніи разобраться въ нихъ. Я видѣлъ, что многое написано подъ вліяніемъ пристрастія, но я не могъ отдѣлить плохого отъ хорошаго. Всякій взглядъ былъ хорошъ, былъ обоснованъ и казался правильнымъ; но какой взглядъ лучше—это можно было сказать лишь ощупью.